

ARCHIVE

Дарья Лотарева

«...Об антропософах и о человеческих отношениях вообще»

Московские антропософы в «Фрагментах» дневника Зои Канановой

Приметой нашего времени стало уничтожение семейных архивов — не из страха, а из равнодушия. Поэтому такие ценные исторические свидетельства как письма и дневники исчезают безвозвратно, заметно обедняя наши представления о событиях и идейных течениях XX в. Тем с большей благодарностью нужно отнестись к тому, что Владимир Николаевич Жуковский сохранил дневники своей «духовной матери» — Зои Дмитриевны Канановой, — которые та вела с 1902 по 1982 год.

Зоя Дмитриевна Кананова (31 января 1891 — 4 апреля 1983)¹ — дочь известного ученого и педагога, почетного академика, редактора журнала «Вестник Европы»² Дмитрия Николаевича Овсяннико-Куликовского (1853—1920)³.

© Daria Lotareva, 2013

© TSQ № 46. Fall 2013

Выражаю сердечную признательность В. Н. Жуковскому за разрешение опубликовать тексты дневника З. Д. Канановой. Благодарю Е. В. Глухову и М. Л. Спивак за помощь в подготовке публикации.

¹ При составлении своей натальной карты (гороскопа) З. Д. Кананова указала дату «30 января», однако в дневниках писала, что отмечала день рождения всегда 31 января. В свидетельстве о смерти стоит дата «5 апреля».

² «Вестник Европы» (1866—1918) — журнал историко-политических наук, с 1868 г. — истории, политики и литературы, с 1910 г. — науки, политики и литературы. Основан М. М. Стасюлевичем (до 1908 г. издатель-редактор), в 1909—1916 гг. издатель — М. М. Ковалевский, редактор в 1908—1916 гг. — К. К. Арсеньев; с 1917 г. издатель-редактор — Д. Н. Овсяннико-Куликовский (работал в журнале с 1913 г.).

³ Родился в семье крупного помещика. Образование получил в Петербургском и Новороссийском университетах. Санскритолог. В молодости увлекался социалистическими идеями. Разработал (на основе принципов

Родилась в Харькове. Переезжая вместе с семьей, училась в 1900—1901 гг. во Франции в монастырской школе⁴, затем три года в гимназии в Харькове, где ее отец преподавал в университете. В 1904 г. Овсяннико-Куликовские поселились в Петербурге, и девушка поступила в гимназию М. Н. Стоюниной, которую не окончила и официально среднего образования не имела. В 1908 г. семья жила в Лозанне, где Зоя училась в пансионе. Там она написала эссе о прекрасном лебеде, которому приходится жить среди жирных крикливых уток, чувствуя себя изгоем. Это стало одним из первых свидетельств ее самоощущения в мире. В то же время, судя по записям, девушка была довольно эксцентричной и своевольной, любила устраивать мистификации. Обладала чувством юмора, наблюдательностью, а ее замечания бывали весьма едкими. Отец как-то сказал о ней: «Ну, это такая особа, что ой-ой-ой!» Эти качества Зоя Дмитриевна, хоть и в более сглаженном виде, сохраняла в течение всей жизни.

В 1909—1911 гг. она училась в парижском Психоневрологическом институте с практическими занятиями в «Clinique St. Anne», а также посещала лекции в Сорбонне «и другие»⁵.

Вернувшись с родителями в Россию, Кананова увлеклась изучением тайных наук. 23 января 1912 г. она записала в дневнике: «Меня бесит, когда кто-нибудь начинает расспрашивать меня, что я делаю, да чем занимаюсь, да где занимаюсь. Обыкновенно я отвечаю на такие вопросы: „Делаю, что хочу, и занимаюсь, чем хочу“. Вот и все. Не стану же я ни с того, ни с сего всем говорить, что занимаюсь я тайными науками, изучаю магию, провожу время в записывании своих фантазий и снов... Пусть себе думают, что хотят».

А. А. Потебни) так называемый психологический метод для изучения художественной литературы и проблем теории и психологии художественного творчества. О нем см.: Осьмаков Н. В. Психологическое направление в русском литературоведении: Д. Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1981; Сухих Г. И. Психологическое литературоведение Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Н. Новгород, 2001.

⁴ Зоя Дмитриевна называла ее «Школа Леклеров».

⁵ Архив РГБ. Опись 40, дело 219, лист 5, 19.

Летом 1913 г. в Петербурге Зоя Дмитриевна вышла замуж, как она выразилась, «по фантазии», за философа и впоследствии известного деятеля книги, сотрудника Государственной библиотеки им. Ленина Павла Христофоровича Кананова (1883—1967), происходившего из богатой и многочисленной семьи обрусевших армян⁶. Зимой 1913—1914 г. супруги пробыли в Париже, где Зоя Дмитриевна окончила «Institut de beauté», а также изучала психиатрию, «наблюдая сумасшедших» на службе в клинике «Archambaud». Затем Канановы отправились в турне, во время которого узнали о том, что началась мировая война. Через север Германии, Данию, Норвегию, Швецию и Финляндию они вернулись в Петроград, где жили в 1914—1916 гг. В 1914 г. Кананова поступила на работу в «Вестник Европы» корректором.

Весной 1916 г. супруги уехали на Кавказ, а оттуда, вероятно, в 1918 г., — в Москву. В 1919 г. они проживали с семьей Павла Христофоровича на Калужской улице, а в июле 1920 г. поселились в Мертвом переулке (в 1937—1994 гг. переулок Островского, ныне Пречистенский), где обитали, включая военные годы, до конца своих дней⁷.

Вторая половина 1910-х гг. ознаменовалась для Зои Дмитриевны напряженными духовными поисками. В 1915 г. она

⁶ Часть родственников проживала в Тифлисе, где был известен «Канановский» коньяк. Отец Павла Христофоровича и его братья были юристами. Сам он получил образование в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, доктор философии (1910). В 1918 г. окончил курсы академических библиотек при Народном университете А. Л. Шанявского. Заведовал библиотекой Московского областного союза кооперативных объединений. В 1919—1924 гг. работал в Румянцевском музее (помощником зав. Отделения философии). С 1924 г. — зав. библиотекой Института К. Маркса и Ф. Энгельса, в 1927—1930 гг. — редактор указателей Международного аграрного института. В 1931—1957 гг. — главный библиограф Отдела иностранного комплектования Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне РГБ). Участвовал в создании первых советских инструкций по описанию произведений печати, в частности, нот. Ввел в научное обращение понятие «типология книги». Один из основателей секции книги Московского Дома ученых. Музыкант-любитель, руководитель оркестра Московского Дома ученых.

⁷ В том же доме в 1930-е гг., как записала З. Д. Кананова, проживали американские корреспонденты и «какой-то высокий чин из ГПУ».

познакомилась с известным оккультистом П. Д. Успенским. «Кажется, в первый раз я встретила человека, у которого та же ступень мирозерцания, что и у меня. Тот же взгляд на видимое и невидимое», — вспоминала она. По его приглашению в 1916 г. прослушала курс лекций приехавшего из Индии оккультиста Гурджиева. В том же году вышли две ее книги: «Я и мир» и «Таинственная жизнь. Этюды» (Кананова также писала стихи, которые до революции публиковались в «Вестнике Европы», а созданные позже сохранились только в рукописном виде. Кроме того, уже в 1920-е — 1930-е гг. она переводила стихи и пьесы французских авторов, однако делала это «в стол»).

В 1918 г. вектор ее размышлений изменился: Зоя Дмитриевна, по ее словам, «закупала»: «Четьи-Минеи», сочинения Феофана⁸, «Добротолюбие»⁹ и другие. По всей вероятности, в это же время она подробно изучила книги основателя антропософии Рудольфа Штейнера, которые выходили в издательстве «Духовное знание».

В августе 1918 г., явившись в Русское Антропософское общество, чтобы узнать, «как относится Штейнер к Ордену „Звезды на Востоке“»¹⁰, Кананова впервые увиделась с другом Андрея Белого, антропософом А. С. Петровским. Эта встреча сыграла очень важную роль в ее жизни.

Однако настоящее знакомство Зои Дмитриевны с московскими антропософами произошло в начале 1920-х гг. в библиотеке Румянцевского музея, куда она поступила на службу 29 декабря 1919 г., вероятно, по протекции своего

⁸ По всей вероятности, Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров, 1815—1894) — богослов, публицист-проповедник, прославлен в лике святителей. Переводчик «Добротолюбия». В 1898—1901 гг. были изданы сборники его писем, в которых он размышлял о христианской жизни, преодолении соблазнов и слабодушия, судьбах человечества.

⁹ «Добротолюбие» — сборник нравоучительных сочинений мистической направленности, написанных в традициях исихазма христианскими авторами в IV—XV вв. Многократно издавался в России, в последний раз в 1914 г.

¹⁰ Орден «Звезды на Востоке» был основан оппонентами Р. Штейнера — руководителями Теософского общества.

мужа, который в то время работал в библиотеке в том же отделе, что и А. С. Петровский¹¹.

Осенью 1920 г. Зоя Дмитриевна вступила в антропософский посвященный кружок, который вели М. П. Столяров и К. Н. Васильева, и с этого же времени стала работать в библиотеке Общества, где ей оказались доступны циклы Штейнера, предназначенные лишь для членов Общества (она читала их тайком).

20 декабря 1921 г. З. Д. Кананова была принята Т. Г. Трапезниковым в Антропософское общество (и с нею вместе еще 11 человек). В 1922 г. занималась эвритмией. Тогда же начала посещать кружок Любви Исааковны Трапезниковой (Красильщик). В него также входили Мария Григорьевна Рейн, Анастасия Алексеевна Брычѐва и Надежда Степановна Клименкова. Кружок быстро распался, после чего четыре дамы (без Л. И. Трапезниковой) составили кружок, работавший без руководителя. Занятия в нем продолжались фактически до массового ареста антропософов в 1931 г., после чего М. Г. Рейн и Н. С. Клименкова отделились, а Зоя Дмитриевна и Анастасия Алексеевна продолжали совместные занятия до конца 1950-х гг. В 1920-е гг. кружок «курировали» К. Н. Васильева и А. С. Петровский. Помимо «кружковой» работы, Кананова посещала общие собрания и лекции антропософов.

В Румянцевском музее (переименованном в 1925 г. в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина, ныне Отдел рукописей Российской государственной библиотеки) З. Д. Кананова трудилась до 1 июля 1935 г., когда была уволена в связи с «чистками». Поскольку действовал негласный запрет на прием на работу в библиотеки тех, кого уволили из «Ленинки», ей было трудно найти место. Летом 1935 г. она устроилась в небольшую библиотеку «Ремонттреста», но ушла через 2 недели, т. к. ничего не понимала в технике¹². 1 сентября 1936 г. по рекомендации антропософки Е. Н. Краснушкиной поступила

¹¹ В 1918–1919 гг. она работала в библиотеке Музейного отдела Наркомпроса (Архив РГБ. Описание 40, дело 219, лист 5).

¹² Уволилась несмотря на то, что обстановка в библиотеке была деловой: «Преимущество этой службы в том, что можно спокойно сделать свое дело и уйти. Никто не кричит на меня, и никто не требует, чтобы я требовала от правительства „орден Ленина для тов. Сталина“».

на временную (2 недели) работу в Государственный музей изобразительных искусств (писала формуляры на книги). С 21 сентября 1937 г. начала службу в библиотеке Московского института философии, литературы и истории в Сокольниках, с сентября 1939 г. перешла в Государственную публичную историческую библиотеку, откуда уволилась осенью 1941 г., чтобы избежать рытья окопов под Москвой. В ноябре 1942 г. поступила в Научную библиотеку Московского государственного университета и работала там до января 1952 г. (была уволена на фоне «борьбы с космополитизмом»), а затем, уже, будучи на пенсии, периодически замещала сотрудников по необходимости (называла это «гастролями»). Иногда по договору трудилась в Библиотеке иностранной литературы.

На службе Зоя Дмитриевна всегда выполняла рутинную библиотечную работу — подбирала и выдавала книги, занималась каталогизацией и расстановкой. Везде ценилось ее знание иностранных языков: «При царском правительстве я не могла бы поступить на службу, меня бы не взяли без документов, и выяснилось бы, что я не кончила гимназию!.. А здесь, на всех моих службах, я считалась „высококвалифицированной“. Игра судьбы», — записала она в дневнике.

Пережить периоды безработицы и безденежье Зое Дмитриевне было бы очень сложно без поддержки мужа. При этом семейная жизнь складывалась непросто. Как выразился один их знакомый, в отношениях супругов «совсем не чувствовалось брака». Они прожили рядом более 50 лет, но Кананова как-то призналась: «У нас никогда не было совместных переживаний, за исключением некоторых мелочей житейского уюта, какой бывает при хороших родственных отношениях, и это все». Однако к своему союзу Канановы относились очень серьезно.

Глубокую душевную привязанность Зоя Дмитриевна многие годы питала к упомянутому выше Алексею Сергеевичу Петровскому, который, однако, не отвечал ей взаимностью. Она утверждала: «Чем больше между двумя людьми духовной близости, единения душ, тем дальше друг от друга они должны быть внешне, т. е. тем целомудренней должны быть их отношения». Общение их было дружеское, хотя и не ров-

ное. Слишком разными они были по характеру и темпераменту. Кананова испытывала большую потребность в душевном тепле, которого Петровский не мог ей дать, а она долго не могла в это поверить.

Зоя Дмитриевна внешне была интересна, в ней чувствовалась восточная кровь (в дневнике она утверждает, что бабушка ее отца была турчанкой). Долго сохраняла девическую наружность, даже в глубокой старости выглядела значительно моложе своих лет. Следила за собой, поскольку считала, что внешность — это проявление человека в мир.

По ее собственному определению, она жила не эмоциями, а идеями, и прежде всего, антропософскими. При этом была верующим православным человеком, многие годы являлась прихожанкой церкви Успения в Мертвом переулке, а после ее закрытия посещала службы в расположенном неподалеку храме Ильи Обыденного. На ее столе всегда лежали Евангелие, сочинение Фомы Кемпийского «О последовании Иисусу Христу» и «Календарь души» Штейнера с текстами медитаций на каждую неделю года. Большую радость доставлял ей ее любимый радиоприемник, по которому она с 1930-х гг. слушала как концерты, так и церковные богослужения (Рождественские и Пасхальные), проходившие за границей.

Многие годы Кананова занималась хиромантией и астрологией, преуспев в этом. Сохранились составленные ею натальные карты Андрея Белого, Рудольфа Штейнера, А. С. Петровского и других людей — как ее знакомых, так и исторически значимых личностей. В одной из дневниковых тетрадей лежит листочек с ее астрологическими расчетами — и довольно точными — событий Второй мировой войны.

Материализм Зоя Дмитриевна считала убогим мировоззрением, и любые события — от житейских до глобальных — старалась рассматривать с «космической» точки зрения. С жадностью относилась к «интеллигенции», которая «подлаживалась» к новой власти (сама она никогда не скрывала своих идеалистических взглядов). Не понимала, как антропософы могут одобрять вступление своих детей и внуков в пионеры и комсомол ради того, чтобы не выделяться на общем фоне. Со вто-

рой половины 1950-х гг. писала в газеты, сообщая о своих размышлениях на тему о религии и ее значении в обществе, надеясь, что «мыслеформы», содержащиеся в письмах, могут повлиять на газетных сотрудников, а через них и на читателей. Первоначально Кананова подписывала эти письма «Академик Павлов», «дядя Матвей-садовник»¹³, «Слесарь Семенов и другие» (что показывает, что она имела здоровое чувство самосохранения, а также хотела привлечь внимание к содержанию писем), а затем и собственным именем.

Особенности характера и мировоззрения Канановой делали ее достаточно одиноким человеком. Настоящими ее друзьями были книги. Уже выйдя на пенсию, многие годы она ходила в Ленинскую библиотеку, где читала, например, известный дореволюционный журнал «Ребус», посвященный тайным наукам. В 1960-е гг. Павел Христофорович, имевший доступ в т.н. «спецхран» библиотеки, приносил ей иностранные книги о Штейнере, а также другие новинки, недоступные простым читателям¹⁴. В 1970-е гг. она получала неизвестные ей ранее произведения Штейнера от своих новых знакомых — антропософов из Эстонии, а также молодых москвичей. Эти тексты были особенно дороги ей, т. к. начиная с 1960-х гг. Кананова стала терять слух и в конце жизни могла общаться лишь с помощью записок, что иногда повергало ее в глубокое уныние. Однако антропософский взгляд на мир помогал ей справиться с этим тяжелым положением.

Если сравнивать жизнь Канановой с судьбами ее современников, то можно утверждать, что она была счастливым человеком — избежала серьезных репрессий, многие годы занималась любимым делом... Однако всю жизнь ей приходилось бороться за сохранение своей личности, своих взглядов.

И помогали ей в этом не только книги, но и ее дневники, которые представляют собой, на наш взгляд, интереснейший

¹³ В газете «Известия» в сентябре 1960 г. был напечатан ответ (в виде статьи) на «его» письмо.

¹⁴ Например, 13 сентября 1961 г. он принес Зое Дмитриевне 4 лекции Штейнера, изданные на английском языке, — «Христос и человеческая душа». Она перевела их и переплела 1 экземпляр для своих друзей-антропософов А. А. Брычёвой и Н. С. Клименковой.

памятник мысли¹⁵. Мы располагаем их отредактированной версией, которую автор называла «Фрагменты из дневника» (28 тетрадей). По всей видимости, черновые записи Кананова переписывала — иногда не раз, — стараясь придать изложению стройность и последовательность. При этом она подчеркивала, что старается максимально точно фиксировать происходящее, даже если ей самой казалось, что в те или иные моменты она поступала глупо или неосмотрительно. Текст дневников в обработанном виде явно рассчитан на читателя, и главным читателем была сама Зоя Дмитриевна. Ретроспектива позволяла ей лучше оценить свой жизненный путь. Поэтому в тексте в квадратных скобках встречаются замечания или пояснения, которые она вносила как при переписывании, так и при перечитывании дневников в 1930-х — 1980-х гг. Иногда самоцензура бывала чрезмерной — в некоторых тетрадях вырваны страницы, на которых были записаны ее негативные оценки происходящего, незначительные с ее точки зрения факты или какие-то слишком неприятные моменты.

В процессе работы Зоя Дмитриевна с интересом анализировала дневники других людей — писателей, деятелей культуры, что помогало ей оттачивать собственные записи.

В «Фрагменты» Кананова вносила не только свои антропологические размышления. Сохранились ее рассуждения об увиденном и прочитанном, например, о фильмах, концертах, в том числе А. Н. Вертинского, выставках произведений Рембрандта, Б. М. Кустодиева, Р. Тагора, Н. К. Рериха. Даны оценки политическим деятелям. Любопытны записи анекдотов и слухов. Большое внимание она уделяла событиям в литературной жизни — съездам писателей, программным и критическим статьям о литературе, печатавшимся в прессе. Описан также скандал вокруг публикации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

¹⁵ Дневники Зоя Дмитриевна вела регулярно, последняя запись сделана 17 сентября 1982 г. Далее, по воспоминаниям В. Н. Жуковского, Зоя Дмитриевна фиксировала свои впечатления на небольших листочках бумаги, как это делала всю жизнь, но в тетради эти заметки уже не переписывала. Кроме того, она постоянно записывала сны и делала большие подборки выписок из сочинений разных авторов.

Серьезные размышления в дневнике перемешаны с житейскими подробностями жизни. Это делает текст человеческим и, с позволения сказать, «женским». Так что дневник З. Д. Канановой можно изучать и с точки зрения антропологических и гендерных исследований.

«Фрагменты» Зоя Дмитриевна старалась излагать литературным языком и хотела передать какому-нибудь писателю в качестве материала для творчества. Ее выбор пал на писателя и журналиста Евгения Богата (1923—1985), обозревателя «Литературной газеты», который имел много публикаций на тему нравственности. Кананова думала, что именно он сможет вдохновиться ее взглядом на жизнь. В письме, отправленном Богату через «Литературную газету» в январе 1982 г., за год с небольшим до смерти, Зоя Дмитриевна обратилась к нему так: «Евгений! (Извините, не знаю, как Вас величать по отчеству) — я ищу человека, имеющего вот такие качества ума, чувства и воли:

Живой, душевный интерес к человеку;

Любовь к размышлениям, стремление к необъятному простору духовной жизни.

И с характером... вроде рыцарей Круглого стола короля Артура <...>».

Однако Е. М. Богат не смог воспользоваться плодами размышлений Зои Дмитриевны: он умер в мае 1985 г. По воспоминаниям В. Н. Жуковского, писатель приходил к ней, чтобы разузнать о своей судьбе с точки зрения астрологии, возможно, предчувствуя близкий конец.

* * *

Большое значение имеют сохранившиеся в дневниках З. Д. Канановой сведения об антропософском движении в Москве в 1920-е — 1930-е гг. Сегодня основными источниками по этой теме являются известные воспоминания М. Н. Жемчужниковой и П. Н. Зайцева, дневники К. Н. Васильевой (Бугаевой), книга М. В. Сабашниковой «Зеленая змея»,

а также значительное наследие Андрея Белого, которое в настоящее время активно изучается и публикуется. Кроме того, важные подробности отражены в следственном деле антропософов 1931 г.¹⁶ Однако в целом можно сказать, что исчерпывающей картины происходившего исследователи не имеют, и прежде всего потому, что указанные выше материалы, включая следственное дело, носят, что вполне естественно, субъективный, а подчас и тенденциозный характер.

Зоя Дмитриевна также не являлась бесстрастным наблюдателем. Однако она целенаправленно, следуя рекомендации Штейнера, старалась соблюдать объективность оценок — настолько, насколько это было для нее возможно.

В записях Канановой зафиксирована повседневная жизнь «младших» антропософов, — тех, кто никогда не видел Штейнера, — их работа в кружках, взаимоотношения со «старшими» членами Антропософского общества¹⁷. Имеются также сведения о конфликте двух групп — «Соловьевцев», возглавляемых Григоровыми, и «Ломоносовцев», руководимых Т. Г. Трапезниковым, М. П. Столяровым, К. Н. Васильевой и Андреем Белым. Также становится ясной роль М. Н. Жемчужниковой в попытках провести в жизнь альтернативный вариант устройства работы Общества в нелегальных условиях (в противовес тому, что был осуществлен К. Н. Васильевой).

Большое место уделено описанию первого ареста А. С. Петровского в 1924 г. Подробно изложен эпизод извещения московских антропософов о смерти Рудольфа Штейнера.

Ценные подробности сообщены и об арестах антропософов в 1931 г. Например, выясняется, что А. С. Петровского хотели арестовать «в первых рядах», но он в это время был в отпуске и отсутствовал в Москве. Кроме того, становится ясным, что антропософы готовились к арестам и условливались

¹⁶ Спивак М. В. Андрей Белый — мистик и советский писатель. М., 2005. С. 366—422.

¹⁷ Деление антропософов на «старших» и остальных зафиксировано в воспоминаниях М. Н. Жемчужниковой. В дневнике Канановой определение «старшие» встречается очень часто.

заранее, как вести себя на допросах. Отмечены и другие мелкие, но важные детали.

Интересны высказанные Петровским, Васильевой, Столяровым (в разговорах с Канановой и с другими антропософами) воспоминания о Штейнере и о каких-то эпизодах, описывающих отношения с ним. Важно, что это именно прямая речь, записанная автором «Фрагментов» дневника «по свежим следам».

В дневнике зафиксированы сведения, позволяющие уточнить биографии знакомых Зои Дмитриевны, в том числе антропософов. Например, в справочниках по египтологии указана дата смерти Е. Н. Краснушкиной — 1944 г. (или не указана вовсе). Между тем, Кананова сообщает о ее кончине (15 февраля 1961 г.).

Наконец, необходимо сказать, что З. Д. Кананова составила любопытный портрет Андрея Белого вскоре после возвращения его в Россию из Германии (запись от 1 января 1924 г.), а также зафиксировала некоторые его антропософские рассуждения.

Таким образом, перед нами важный источник, освещающий как последние годы легального, так и «катакомбный» период существования Русского Антропософского общества.

* * *

При комментировании текста использованы сведения из фондов Отдела рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, в котором хранится комплекс переписки антропософов, готовящийся мною к печати.

При публикации «фрагментов» дневника опущены «метки», указывающие на конец и начало года, эпиграфы к тетрадям; сохранены некоторые особенности авторской орфографии. Записи приведены выборочно. Написание дат унифицировано.